в древнеисландских памятниках, можно воссоздать следующую картину овладения богами мудростью: знания сокрыты в источнике Мимира у корней мирового древа, доступ к которому получает Один, отдав в залог свой глаз (Vsp. 27, SnE 14); Один постигает руны в акте самозаклания, повесившись на мировом древе и пронзая себя копьем (Hávm. 138–145); Один проводит восемь ночей без еды и питья между двух огней у конунга Гейрреда, получает глоток меда и ему открываются грядущие события; Один, пройдя трудные испытания (прослужив у Бауги, брата Суттунга, проникнув в виде змеи в 'Сталкивающиеся горы' (*Hnitbiǫrg*)) выпивает из трех сосудов (*Són*, *Boðn* и *Óðrerir*) мед, смешанный с кровью Квасира, и, превратившись в орла, возвращается в Асгард, где отдает мед поэзии асам и поэтам (SnE 82). В различных версиях выделяются инвариантные мотивы: Один – главное действующее лицо мифа; познание первоначально отделено от богов, оно скрыто от них; познание приравнивается жертвоприношению; мудрость воспринимается как конкретное вещество дикой природы (мед); опьяняющий напиток выступает в качестве медиатора между верхом и низом (ср. образы змеи и орла в SnE 82) и изофункционален другим средствам коммуникации между различными космическими зонами – мировому древу и мировой горе; познание "космологично" по двум причинам: его источник локализуется у корней мирового древа или в мировой горе, оно имеет общий пространственный субстрат с универсальными образами мира, субъект познания приходит в экстатическое состояние духа, ему открывается дар провидения (ср. название меда поэзии и – метонимически – сосуда, в котором он хранится – др.-исл. *Óð-rerir* 'приводящий дух в движенье', *óðr* 'дух, ярость, безумие' & *hræra* 'колебать, двигать'). Древнегерманский миф о меде поэзии имеет параллели в других индоевропейских традициях, ср. мифологический мотив похищения сомы орлом Индры или образ виночерпия Ганимеда, унесенного орлом-Зевсом.

§ 3. Специалистами по сравнительном мифологии была установлена "связь громовержца с опьяняющим напитком и ее реализация в варианте мифа о наказании громовержцем своих детей (или младшего сына), которых он размельчает и разбрасывает под землей; через год они возрождаются в виде вегетативных образов" [4, с. 258]. Наша задача заключается в доказательстве принадлежности мифа об Одине и Бальдре указанному выше индоевропейскому мифологическому сюжету и его сопоставлению с данными других мифопоэтических традиций, в частности, древнегреческой, кельтской и древнеиндийской.

Рассмотрим древнегерманские факты, касающиеся взаимоотношений Одина и Бальдра. Намек на противостояние этих мифологических персонажей можно увидеть в начальном эпизоде древневерхненемецкого Второго Мерзебургского заклинания: *Phol ende Uuôdan vuorun zi holza, / dû uuart demo Balderes volon sîn vuoz birenkit* "Фоль и Водан поехали к лесу, / тогда кобыла Бальдра вывихнула ногу". За эпическим зачином следует заклинание Водана, исцеляющего коня Бальдра, в котором используется терминология, типичная для процедуры жертвоприношения, ср. *bigalan* 'петь магическую песнь', трижды встречающийся в тексте предикат со значением синтезирования *gelîmida sîn* 'да соединится', номинацию частей тела по схеме A & A, B & B, C & C и т.д., имеющие индоевропейский прототип. Сюжет Второго Мерзебургского заклинания представят особую ценность из-за обилия параллелей, привлекавших внимание исследователей, начиная с конца XIX в. Можно предположить, что соединение частей коня Бальдра, осуществляемое Одином в ходе ритуала, замещает жертвоприношение самого Бальдра.

Обращение к скандинавскому мифу о Бальдре подтверждает выводы, вытекающие из анализа древневерхненемецкого материала. Его содержание сводится к следующему: Бальдру, сыну Одина и Фригг, стали сниться зловещие сны. Желая оградить его от опасности, Фригг взяла клятву со всех стихий и объектов вселенной (воды, огня, металлов, камней, земли, деревьев, болезней, животных и др.) о том, что они не причинят вреда Бальдру. Локи, выведав у Фригг о том, что побег омелы не был связан магическим обещанием, уговорил слепого бога Хеда пустить в Бальдра прут из омелы. Бальдр погибает, и боги сжигают его на погребальном костре. Сын Одина Бали мстит за убийство Бальдра, а Хермод скачет в подземное царство и получает согласие его властительницы Хель отпустить Бальдра при условии, что все живое и мертвое в мире будет его оплакивать. Локи принимает обличье великанши Текк и не скорбит о Бальдре, который остается в чертоге Хель.

Связь Бальдра с жертвой очевидна. Она эксплицируется в Vsp. 31: *Ec sá Baldri, bloðgom tívor* "Я видела Бальдра, кровавую жертву" (слова прорицательницы). Культовая роль Бальдра как жертвы согласуется с изображением в скандинавских источниках его пассивности и страданий, а также с предварением рассказа о гибели Бальдра эсхатологического цикла, дающим основания трактовать убийство Бальдра как первую смерть, убийство богов ради возрождения вселенной, подвергающейся нападению сил хаоса. Характерно, что именно Бальдр, примирившийся с Хедом, олицетворяет новое поколение богов.

Второе Мерзебургское заклинание проливает свет на загадочный фрагмент эддических "Речей